

Глава 48. Погребение

Восточный древесный континент, секта Хуаньюнь.

Юный послушник в обычной одежде секты Хуаньюнь нёс пузырёк с лекарством и торопливо шагал по тихой дорожке, вымощенной галькой, пока не вошёл в изящный отдельный дворик.

— Глава Янь, почтенный Цзян, — почтительно поклонился он у двери и, держа бутылочку обеими руками, вошёл внутрь. — Пора менять лекарство.

Янь Цунси уже давно ждал этого момента и сам очень охотно поднял руку:

— Это ведь последний раз, да?

За эти десять с лишним перевязок мальчик уже успел отлично изучить нрав главы Яня и потому первым делом сказал именно то, что тому хотелось услышать:

— Да, глава Янь, это в последний раз. Потом вам останется только ещё полмесяца пить по одной пилюле очищения яда в день, и вы полностью поправитесь.

И правда, едва услышав, что достаточно ещё раз сменить лекарство — и боль от разъеденной руки закончится, Янь Цунси даже заговорил бодрее:

— Эх, если бы не эта моя неприятность, я бы непременно самолично притащил туда этого мальчишку! Целыми днями ничему не учится, только лодырничает да халтурит. И в кого он такой уродился...

Послушник нерешительно спросил:

— Глава Янь, вы о молодом господине Е из Фуфэна?

— О нём.

— Но разве молодой господин Е не участвует в Битве Небесных Дарований?

Изумление Янь Цунси было самым настоящим:

— Когда это случилось?

— Сегодня, — ответил мальчик. Хоть он и жил в Хуаньюне, а свежих сплетен у него всегда

было немало. — Я слышал, что молодой господин Е отказался от состязаний в области Цянькунь и отправился в охотничью зону.

Цзян Чаньюань до этого молча сидел в стороне и пил чай. Услышав слова «охотничья зона», он медленно поднял глаза и мягко, неторопливо спросил:

— Один?

Послушник покачал головой, старательно припоминая только что дошедшие до него новости:

— На этот раз в состязаниях области Цянькунь осталось немало народу, но все юные господа из знатных домов ушли в охотничью зону. Например, молодой господин Ци из Лошу, молодой господин Хуай из Аньюаня... Ах да, ещё и юная госпожа Шэн из Синло записалась. Похоже, она как раз в одной команде с молодым господином Е.

Янь Цунси довольно долго вспоминал, кто такая эта юная госпожа Шэн из Синло, а потом нахмурился:

— Она же лекарь? Шэн Жолинь ещё хвастался мне, что у младшей из его рода выдающийся талант именно к врачеванию...

Пока они перебрасывались словами, лицо Цзян Чаньюаня становилось всё тяжелее.

Когда пришла очередь менять лекарство уже ему, на его ладонь стремительно опустилась почти прозрачная бесцветная духовная птица. Он раскрыл послание — и лицо его в тот же миг опасно потемнело.

— Чаньюань, что случилось? — Янь Цунси узнал птицу: она принадлежала Ци Юаньлану из Лошу. Они почти не общались, но, как одни из немногих даосских святых во всём Люхэ, всё же обменялись знаками для духовных посланий.

Цзян Чаньюань ничего не ответил.

— Чаньюань? — Янь Цунси даже помахал рукой у него перед глазами. Но не успел опомниться, как тот исчез прямо на месте, даже не дождавшись перевязки.

— Эй!..

Янь Цунси ещё никогда не видел у него такого растерянного выражения. Вспомнив бесцветную птицу Ци Юаньлана, он смутно понял: боюсь, всё это связано именно с нынешней Битвой Небесных Дарований.

Схватив со стола несколько пузырьков с пилюлями очищения яда и быстро убрав их в жемчужину Нахай, он поспешил следом.

Но Цзян Чаньюань двигался слишком быстро. К тому времени, как Янь Цунси добрался до транспортной формации области Бафа, тот уже успел уйти через неё.

Получив это послание, Цзян Чаньюань просто не мог усидеть на месте.

Потому что в письме было чётко сказано: Ци Цуньюй погиб на утёсе Жисы.

Кроме Янь Цунси и самого Цзян Чаньюаня, открыть утёс Жисы, скорее всего, мог только тот племянник Янь Цунси, который совсем не знает страха перед небом и землёй. А сам Ци Юаньлан тем временем уже отправился к утёсу Жисы с когда-то подаренной ему кровью Цзян Чаньюаня, чтобы навсегда похоронить тайну той горы-лабиринта.

* * *

Внутри горы снова воцарилась тишина.

Ветер гулял по проходам со всех сторон, и огонь, зависший перед людьми, качался под его порывами.

Кость судьбы лежала на тёмной земле. Фу Линцзюнь поднял руку, и она сама опустилась ему в ладонь. Стоило ей коснуться кожи, как по руке тут же поползли тонкие струйки ядовитой злобы.

Из жемчужины Нахай он достал другую кость судьбы. Когда две кости оказались рядом, выяснилось, что они совершенно одинаковы по размеру и форме. Даже злобная аура, оплетающая их, была одной и той же.

Стоило двум костям приблизиться, как их злое дыхание переплелось. Цзян Тан смутно почувствовал, что его телу снова стало не по себе.

Это ощущение было очень похоже на то, что охватило его, когда он впервые ступил на утёс Жисы. Казалось, какая-то духовная энергия пытается проникнуть в него, а тело ей отчаянно сопротивляется.

Не заметив того сам, он вцепился пальцами в одежду Фу Линцзюня.

И вдруг от шеи по всему телу разлилось тёплое тепло. Под этой мягкой волной ему мгновенно стало легче.

То место... это ведь...

Цзян Тан опустил голову. В прозрачной бусине на красной нити у него на шее сейчас кружилось живое золотисто-красное пламя, совсем как маленький феникс.

Оно успокаивало его.

Точь-в-точь как пламя феникса Фу Линцзюня.

— Это, — у Цзян Тана дрогнуло сердце. Он указал на красивую бусину у себя на шее. — Твоё.

Он всё это время думал, что вещица на шее — просто игрушка, которую ему добыл Сян Син. А оказалось, это дал ему Фу Линцзюнь?

Фу Линцзюнь незаметно скользнул взглядом по руке Цзян Тана, которая уже отпустила его одежду, и только тихо отозвался:

— Мгм.

Больше он ничего не сказал, а вместо этого перевёл взгляд на Е Чжэнвэня — этот бесполезный довесок. Серебряного морозного тигра тот уже убрал в жемчужину Нахай: проходы внутри горы были тесными и сложными, и присутствие тигра рядом только мешало.

— Нарисуй мне знак для духовного послания Хуай Чэнъяня.

Сейчас Е Чжэнвэнь был тише воды, ниже травы. Великий злодей велел — он подчинился. Послушно вывел нужный знак и так же тихо отступил назад.

Цзян Тан опустил взгляд на знак Хуай Чэнъяня.

Тот символ, который до этого вёл их вперёд, сейчас постепенно рассеивался. Не потому, что в нём иссякла духовная сила, а потому, что некая странная сила вокруг вмешивалась в его работу и медленно подавляла его.

Как будто внутри этой горы-лабиринта стоял глушитель сигнала, который просто блокировал все знаки, указывающие путь.

Цзян Тан понял.

Раньше Е Чжэнвэнь уже получал духовную птицу от Хуай Чэнъяня. Значит, такой «глушитель» не отсекал послания-передатчики. Видимо, Фу Линцзюнь хотел через духовную птицу

определить местонахождение Хуай Чэнъяня и остальных.

Он небрежно написал в воздухе пару строк, добавил знак Хуай Чэнъяня — и в тот миг, когда золотисто-красная духовная птица устремилась прочь, к ней прильнула ещё одна струйка пламени феникса того же цвета. Сплетаясь, они быстро исчезли в запутанных переходах горы-лабиринта.

Очень скоро две золотисто-красные нити добрались до вымотанных до предела Хуай Чэнъяня и его спутников, и духовная птица опустилась ему на руку.

— А? — Хуай Чэнъяню эта птица была незнакома. Только увидев внутри имя Линь Шэна, он понял: Е Чжэнвэнь всё-таки нашёл того, кто разбирается в печатях и формациях, и сейчас этот человек уже идёт к ним.

— Молодой господин Хуай, что там написано? — Шэн Исюэ уже слишком долго была заперта в этой горе и тоже не выдержала, сама приблизившись, чтобы спросить.

Хуай Чэнъянь, одновременно отвечая на письмо, сказал:

— Брат Линь спрашивает, вместе ли мы с Ци Цунъюем, и велит мне как можно скорее ответить. Думаю, у него должен быть способ найти нас.

На обратном пути светло-зелёная птица, у которой был уже прописан ответ, сама собой укуталась тонким золотисто-красным светом. Сплетаясь, оба огня полетели обратно.

Пламя феникса, следуя за духовной птицей по сложным развилкам лабиринта, несло вперёд. Фу Линцзюнь стоял с закрытыми глазами, ощущая путь, которым птица возвращалась. И к тому моменту, как ответ Хуай Чэнъяня пришёл обратно, уже точно знал их местоположение.

Но в послании Хуай Чэнъянь написал и другое: Ци Цунъюй и Ци Е только в самом начале вместе с ними бежали от змеиных лиан в эту гору-лабиринт, а после исчезли неизвестно куда.

Фу Линцзюнь сложил печать одной рукой, а потом большим и указательным пальцем легко провёл по воздуху. Перед ним возникла чуть светящаяся водная гладь.

Подойдя ближе, Цзян Тан только теперь понял, насколько чётким может быть изображение на водном зеркале. Если не считать расхолодившейся вокруг легкой ряби духовной энергии, ощущение было почти такое же, как если бы он смотрел видео на телефоне.

Вскоре на поверхности возник человек.

Нет. Точнее — не один.

Картинка была тёмной. Ци Цуньюй стоял в глубокой яме с совершенно пустым видом. Его одежда посерела от пыли, покрылась грязью, но крови на ней не было. Волосы тоже растрепались. Сам он замер, словно его душа уже покинула тело. А вокруг него теснились десятки — может, полсотни, а может, и сотня — оборванных «людей». Они бессмысленно хрипели, царапали каменные стены ямы и оставляли на твёрдом камне следы.

Е Чжэнвэнь не видел, как Фу Линцзюнь складывал печать, и потому решил, что у того, наверное, есть какое-то редкое сокровище, способное передавать изображение. Он не удержался, подошёл ближе и, всмотревшись, резко втянул воздух:

— Фух... Что это вообще за твари такие?

Когда раньше на них кинулся тот «человек», брат Линь справился с ним слишком быстро. Е Чжэнвэнь успел только понять, что это точно не был обычный живой человек. Но теперь, увидев всё через водное зеркало, ему стало ещё страшнее.

Он даже представить не мог, что за человек и каким способом превратил живых людей в нечто настолько нечеловеческое. И их было слишком много. Даже в ограниченном поле водного зеркала виднелись десятки, а если бы показали всю яму целиком, число их наверняка оказалось бы куда больше.

Но страшнее всего выглядел Ци Цуньюй, смешавшийся с ними.

С виду он почти ничем от этих «людей» не отличался. Разве что лицо было чище. Во всём остальном он уже идеально влился в их толпу.

Он не говорил. Зрачки у него были расфокусированы. Он просто стоял неподвижно, а его и без того бледные пальцы прямо на глазах менялись: из них медленно вырастали длинные чёрные ногти.

Лицо Фу Линцзюня вдруг стало очень мрачным.

И тут Цзян Тан резко вспомнил одну вещь.

Изначально план великого злодея был таким: отыскать на утёсе Жисы тайну, скрытую Цзян Чаньюанем, а потом перебить четверых юных потомков великих домов. Как только их изначальные духовные сознания разбились бы, находящиеся далеко в других местах даосские святые тут же ощутили бы неладное на утёсе Жисы и, разумеется, собрались бы здесь.

Но Ци Цуньюй уже умер. Причём умер ещё до того, как Фу Линцзюнь добрался сюда.

Цзян Тан не знал, как именно тот погиб и почему теперь превратился в такого же странного «человека», как здешние обитатели. Но в одном он был уверен: о смерти Ци Цуньюя Ци

Юаньлан уже наверняка узнал. Значит, расчёт Фу Линцзюня был сбит.

— Он... — у Е Чжэнвэня перехватило горло. — Он ведь не... умер?

Радость и ненависть у юных людей обычно не бывают слишком глубокими. Хотя Е Чжэнвэнь и правда терпеть не мог Ци Цуньюя, сейчас, увидев через зеркало его смерть, он всё равно остался в каком-то оцепенении.

Но это оцепенение длилось недолго.

Вся гора-лабиринт вдруг затряслась. Земля под ногами задрожала, со стен начали осыпаться камни. Казалось, вся горная цепь вот-вот рухнет и похоронит под собой всех, кто был внутри.

Фу Линцзюнь слегка сузил глаза.

— Быстро же он добрался.

<http://bllate.org/book/17032/1639372>